

О ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РОССИИ, РОССИЙСКОЙ ИДЕИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Л.А. Мусаелян

Доктор философских наук, доцент,

профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

lmusaelyan@yandex.ru

Двуглавый орел на гербе государства российского достаточно точно символизирует цивилизационную сложность России, ее глубокое отличие от своих соседей, влияние которых она испытывала в течение многих столетий. Государству, находящемуся на перепутье цивилизаций, испытывающему постоянные угрозы со всех сторон, жизненно важно было защитить свой суверенитет, что невозможно было сделать без сильной власти и внутреннего единства. Указанные политические идеалы символизируют на гербе России три короны, скипетр и держава. Очевидно, что и в настоящее время отстаивание этих политических ценностей является актуальным для российского государства. Географическое своеобразие России и определило возникновение в общественно-политической мысли страны исключительно российского феномена «русской идеи», авторы которой обосновывали перспективы развития страны. В статье анализируется предложенная В.В. Путиным (30.12.1999 «Независимая газета») «российская идея», призванная выполнить функции государственной идеологии, принятие которой он считал нецелесообразным. Показано, почему «российская идея», выдвигнутая тогда будущим президентом страны, не оправдала надежд. Освещены основные причины внесения в Основной Закон страны статьи 13 п.2. Обосновывается мысль о том, что в силу возникших внешних и внутренних угроз принятие государственной идеологии, дающей видение исторической перспективы, укрепляющей единство и силу государства, является необходимостью.

Ключевые слова: цивилизация, российская идея, конституция, идеология, кризис, реформы, разобщенность.

Географическое расположение России определило потребность у её философов и писателей осмыслить цивилизационную специфику страны. Поэтому на протяжении нескольких столетий одной из основных тем русских мыслителей стала так называемая русская идея. Осознание сложной природы цивилизации России, включающей в себя как европейское, так и

азиатское начало, породило проблему выбора исторического пути страны. Известный спор между западниками и славянофилами, начатый П.Я. Чаадаевым, не завершился до сих пор. С точки зрения Р. Рейгана и людей, сформировавшихся на основе западной культуры, Советский Союз был «случайной страницей в мировой истории». Фактически такой же точки зрения придерживаются российские реформаторы, в своем большинстве либералы, и их современные единомышленники. По их мнению, большевики, опираясь на утопические идеи Маркса, совершили губительный для страны эксперимент, который привел к «выпадению страны из лоно мировой цивилизации».

Однако, как показал исторический опыт, социалистический путь развития России более всего соответствовал её цивилизационным особенностям как евроазиатской державы. Он опирался, с одной стороны, на глубокие теоретические наработки выдающихся европейских мыслителей, а, с другой, на вековые исторические традиции России. Этот новый тип российской культуры соединял в себе единство «европеизма и патриархальности, индивидуальности и коллективизма» [1, с. 114]. Руководствуясь теорией марксизма, которая была провозглашена идеологией нового государства, большевики провозгласили социальные идеалы общества и определили вектор исторического движения страны, нацеленный на реализацию этих идеалов. Учитывая стартовые позиции государства, его успехи за два десятилетия свидетельствовали о принципиальной достижимости провозглашенных социальных идеалов. Среди причин победы Советского Союза в Великой Отечественной войне секретарь Совета безопасности Российской Федерации С.К. Шойгу отметил «единство власти и общества, веры народа в защищаемые идеалы» [2]. По его мнению, этот всенародный подвиг «был отнюдь не единовременным порывом фанатиков, ослепленных идеологией. Он стал проявлением настоящего патриотизма советского народа и результатом последовательного и целенаправленного патриотического воспитания граждан нашей общей Родины. Именно здесь, в сфере сознания, – указывал С.К. Шойгу, – нужно искать источники массовой самоотверженности, мужества, стойкости и героизма советских людей на фронте и в тылу» [2]. Ответ на сложный вопрос, почему государство, одержавшее победу в самой масштабной и кровопролитной в истории человечества войне, освободившее пол-Европы из фашистского варварства, а затем продемонстрировавшее в течение трёх десятилетий колоссальные успехи в экономике, образовании, науке, техническом прогрессе, к концу XX столетия перестало существовать как геополитический актор, – это тема отдельной статьи. Между тем полная реа-

лизация советского проекта позволила бы решить как минимум две задачи. Удалось бы преодолеть исторический раскол российского общества между западнической элитой, большей частью живущей в столицах империи и её крупных торговых и промышленных центрах, и остальным народом. Кроме того, на территории уникального евразийского государства возникла бы универсальная модель общества, представляющая собой альтернативу капиталистическому варианту глобализации. Крушение Советского Союза действительно было геополитической катастрофой, причем как в национальном, так и в мировом масштабе. В настоящее время, когда многие факты стали известны, можно со всей определённости сделать вывод, что крушение Советского Союза явилось результатом основательно подготовленной и профессионально проведённой цветной революции по технологии, разработанной Дж. Шарпом. Она была срежиссирована Западом, в первую очередь США, а реализована новой российской либеральной элитой, которая и пришла к власти в постсоветской России.

В Основном Законе Российской Федерации в статье 13 п. 1 признается идеологическое многообразие в стране, а в п. 2 указано: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [3, с. 10]. Парадоксальность этой нормы Основного Закона страны, предполагающей существование в современном мире государства без государственной идеологии, стало предметом теоретических дискуссий в среде философов, юристов, политологов, историков, политиков и всех прочих граждан страны, не безразличных к её судьбе [4; 5; 6; 7; 8; 9]. Формально одной из причин принятия этой статьи Конституции было желание идеологов реформ противопоставить «демократическую» Россию «тоталитарному» Советскому Союзу, где провозглашалась государственная идеология и, соответственно, государством утверждённая единая для всех истина. Справедливости ради надо признать, что эту самую истину от имени государства артикулировал далеко не всегда лучший её представитель во властных структурах. Весьма рельефно точка зрения неприятия государственной идеологии была выражена в программной предвыборной статье В.В. Путина 30 декабря 1999 года в «Независимой газете». В тот период он занимал пост Председателя Правительства Российской Федерации и был зарегистрирован в качестве кандидата в президенты страны на предстоящих выборах. Автор статьи отмечал, что он против принятия государственной идеологии в любой форме. По его мнению, только так можно обеспечить в обществе интеллектуальную свободу, плюрализм мнений. «В гражданском обществе не может быть принудительного согласия. Согласие может быть добровольным» – отмечал будущий президент [10].

С тех пор прошло более четверти века. Количество публикаций, авторы которых считали необходимым убрать п. 2 ст. 13 Конституции или его откорректировать, не уменьшилось, а увеличилось. Но, похоже, точка зрения В.В. Путина по этому вопросу имеет определяющее значение. Эту позицию также подтвердил один из лидеров «Единой России» РФ Дмитрий Медведев [11]. Такой же точки зрения придерживался до последнего времени Председатель Конституционного суда В. Зорькин. Известный правовед, признавая отдельные недостатки Конституции Российской Федерации, тем не менее считает предложения по реформе Конституции недальновидными и опасными [12; 13]. Между тем в Конституцию за прошедшие годы дважды вносились изменения. Последний раз в 2020-м году было внесено более 200 поправок в 41 статью основного закона страны. Однако поправки не коснулись 13 статьи.

Вернёмся, однако, к программной статье В.В. Путина 1999 года. Как указывалось выше, автор выдвигал в ней «российскую идею», которая должна объединять сложное в конфессиональном и этническом отношении население страны. Эта новая российская идея должна родиться как сплав универсальных, общечеловеческих ценностей, возвышающихся над национальными, этническими, групповыми интересами с исконно российскими ценностями, к коим он относит: 1) патриотизм (чувство гордости своим отечеством, своей историей); 2) державность (Россия была и будет великой державой); 3) государственность (крепкое государство для россиян гарант порядка и главная движущая сила любых перемен); 4) социальная солидарность (в России тяготение к коллективным формам жизнедеятельности всегда доминировало над индивидуальным) [10]. Уже тогда у многих аналитиков возникло ощущение, что предложенная Председателем Правительства российская идея по своим базовым принципам напоминает известную триаду С. Уварова («Православие. Самодержавие. Народность»), выражавшую консервативные ценности политической культуры России. Учитывая происходящую в стране в последние десятилетия явно выраженную тенденцию к клерикализации общественной и политической жизни и политизацию религии, нет оснований отрицать правомерность такого допущения.

Существуют и иные трактовки причин отсутствия в Российской Федерации государственной идеологии, чем те, что обозначены в программной аналитической статье В.В. Путина. Другая распространенная версия связана с позицией постмодернистов, резко негативно относящихся ко всякой идеологии и вообще «большим нарративам». Как известно, в правящих кругах Запада и, прежде всего, в США, в 60-х–70-х годах прошлого

века была принята на вооружение политика деидеологизации. По мнению адептов этого курса, отказ от идеологического противостояния Запада и Востока должен был способствовать изменению международной атмосферы, созданию условий для лучшего понимания сторон, интенсификации бы культурных контактов между гражданами капиталистических и социалистических стран. Эти идеи, в том числе обязательства соблюдать права человека, свободу передвижения, свободу информации содержались в третьей так называемой «гуманитарной корзине» заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанного главами 35 государств (01.08.1975) в Хельсинки. Пункты «гуманитарной корзины» давали спецслужбам западных стран хорошую возможность активизировать подрывную работу на территории социалистических государств. Вскоре это действительно дало о себе знать в виде активизации деятельности диссидентов в социалистических странах, получающих финансовую, техническую, политическую поддержку из-за рубежа. Понимая это, советское руководство весьма сдержанно относилось к последовательному выполнению всех пунктов «третьей корзины». Политика в СССР, а затем и в других социалистических странах Европы по этому вопросу изменилась с приходом к власти М.С. Горбачёва. Молодой лидер КПСС принял предложенную Западом политику деидеологизации и объявил о «новом политическом мышлении». Духовные и идеологические скрепы государства стали разрушаться на глазах. Тщеславный и недалекий политик, идя на уступки Западу и по другим чувствительным для безопасности государства проблемам, подписал смертный приговор государству, которое он возглавлял. Между тем ещё при президенте США Р. Рейгане началась политика реидеологизации. Запад усилил идеологическое, информационное вторжение в социалистические страны с целью перестройки сознания населения. Делалось это путём внедрения в общественное сознание либеральных идей и ценностей современного капитализма. Активизировалась подрывная деятельность различных диссидентских организаций, этих предтеч современных НКО.

Весьма значительным фактором в углублении социально-экономического кризиса в стране и создании условий для осуществления цветной революции стал организованный США вместе с саудитами обвал цен на мировом рынке энергоносителей. Экспорт нефти и газа был для СССР основным источником валюты. Она была необходима для приобретения продовольствия и других товаров повседневного спроса. Заметим, в настоящее время США заняты тем же, пытаются перекрыть кислород у своего геополитического конкурента. Очевидно, что и тогда, и сейчас

борьба Запада с нашей страной велась в сущности не по идеологическим, а геополитическим соображениям.

Важно отметить, что 1980 год в истории СССР оказался своеобразной реперной точкой. В соответствии с программными заявлениями прежнего политического руководства СССР этот год должен был стать годом завершения строительства коммунистического общества, о котором мечтали миллионы советских людей. В действительности восьмидесятые годы оказались временем нарастания кризисных тенденций. Немаловажное значение имел человеческий, субъективный фактор. Престарелое руководство страны не только забыло о нереализованном социальном идеале, но и не предприняло действенных мер по блокированию возникших кризисных тенденций. Подобная политика посеяла у населения не только сомнения в дееспособности руководства страны, но и вызвала разочарование в прежних идеалах. Коммунистический идеал стал восприниматься не как осуществимый проект, а как недостижимая мечта, как утопия.

В условиях нарастающих кризисных тенденций потеря обществом притягательных смысложизненных ценностей способствует погружению населения в состояние аномии, сопровождаемое ощущением неопределённости и тревоги. Аномия способствует дезориентации масс, что делает их легкой жертвой идеологических манипуляций. Люди из субъектов, активно создающих собственную судьбу и историю, превращаются в объекты враждебных экспериментов.

Подобные изменения, произошедшие в общественном сознании страны, создавали для либеральной элиты России благоприятные условия для реализации своих замыслов. Существенную роль в победе контрреволюции сыграла при этом художественная и научная интеллигенция, весьма далекая от повседневных забот основной массы населения страны. Принято считать, что Б.Н. Ельцин пришёл к власти на плечах интеллигенции. И в этом есть большая доля истины. Но первыми, кого обманул президент демократической России, была интеллигенция.

Перед новой российской элитой, пришедшей к власти, стояла задача в краткий срок реализовать либеральный проект. Реформы – это не только приватизация государственной (общенародной) собственности, но и формирование общества, скроенного по лекалам либерализма, воспитание новых индивидов, принципиально отличающихся не только от «совков». Для этого нужно было создать в обществе мировоззренческий, идеологический, духовно-нравственный вакуум, который можно было легко заполнить другими смысложизненными ценностями, моралью, существовавшей в так называемых цивилизованных странах Запада. Поэтому новые власти

России резко дистанцировались не только от «идеологии тоталитаризма», но и от исторических духовно-нравственных ценностей общества.

Таким образом, демонстративный отказ от государственной идеологии и традиционных духовных ценностей России стал условием реализации либерального социального проекта. Заметим, что в настоящее время коллективный Запад не маскирует свою идеологию, свои смысловые ценности и геополитические интересы. Этого теперь не скрывают и российские либералы, единомышленники реформаторов 90-х годов, по большей части уехавшие после начала СВО за рубеж. Из сказанного следует, что из отрицания провозглашения государственной идеологии в России «де-юре» вовсе не следует, что её нет «де-факто». Писаное право само по себе идеологично. Это вытекает как из сущностных причин возникновения права, так и из его природы. Отрицание необходимости государственной идеологии означает, что наше государство не опирается на Конституцию, а также что Основной Закон России не является для её граждан базовым правовым документом. И то, и другое – нонсенс.

В Конституции Советского Союза указывалось, какая в стране установлена государственная идеология, какой тип общества учрежден, какое государство организовано. В современном Основном Законе России граждане страны не найдут указания ни на то, ни на другое, ни на третье. Но любой человек, пробыв в России день-два, ответит на эти вопросы. Если бы в новой Конституции России было бы чётко прописано, какой тип общества и государства устанавливаются в стране, то учитывая политическую ситуацию, которая была в конце 1993 года в стране, результаты референдума вряд ли бы совпали с теми, о которых нам объявили. Примечательно и то, что высшие руководители России даже спустя тридцать лет после принятия Конституции избегают применять при характеристике своей страны идеологически и политически нагруженные понятия: капитализм, буржуазное государство. Это можно объяснить инерцией политического мышления элиты, которая в момент общественного перелома прибегала к политической и идеологической мимикрии, обещая россиянам привести их в «цивилизованный мир». Что представляет этот мир, мы теперь хорошо представляем.

В настоящее время ситуация в мире, да и в стране существенно отличается от той, которая существовала в декабре 1999 года. Тогда шла война на Кавказе и существовала угроза отторжения этой территории от России. В наши дни опасность сепаратизма осталась позади, но зато приобрела реальность иная опасность, связанная с агрессией коллективного Запада против нашей страны. В настоящее время как никогда нужна консолида-

ция, единение народов России, российской нации. Под российской нацией мы понимаем, прежде всего, политически самоорганизованные народы России. Однако непризнание существования в России государственной идеологии означает отрицание существования российской нации и национальных, т.е. государственных, интересов. Но президент России не раз своих публичных выступлениях говорил о том, что страна в противостоянии с Западом отстаивает национальные, государственные интересы России. И это действительно так. Что же мешает открыто заявить об этих национальных интересах, прямо сформулировав основные принципы государственной идеологии?

На переломных этапах истории, когда возникают экзистенциальные угрозы существованию государства, затрагивающие одновременно честь и достоинство его граждан, для них становятся актуальными ключевые вопросы, на которые призвана ответить идеология. Эти вопросы давно известны философии. Их достаточно полно и точно описал недавно Х.Э. Мариносян. Кто мы? Откуда мы? Куда мы идём? Что мы хотим? Какие ценности мы проповедуем? Какое наследие оставим грядущим поколениям? Ответы на некоторые из этих ключевых вопросов даёт история страны. Поэтому необходимо отметить, что в последние годы по инициативе федеральных властей предпринимаются меры по формированию у населения, особенно у молодёжи, адекватных исторических знаний о прошлом нашей страны. Историческое сознание выполняет в настоящее время не только мировоззренческую, но в определённой мере и идеологическую функцию. В качестве государственных праздников отмечаются исторически значимые для государства события, которые произошли не только в середине XX, но и в начале XVII века. Эти реперные точки истории России дают возможность ответить на вопрос «Откуда мы?» и отчасти на вопрос «Кто мы?». Реализация Указа Президента «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей» (от 09.11.2022 № 809) также в определённой мере позволяет ответить на эти вопросы.

Не имея возможности в данной статье анализировать культурно-просветительскую политику властей, ставящую своей целью восстановить у населения, особенно у молодого поколения, адекватную картину истории страны и сохранить его культурно-исторический код, отметим, что выполнение этой задачи требует соблюдения баланса между светскими и религиозными, консервативными и прогрессистскими ценностями.

Радикальный разрыв с советской идеологией и советскими смысловыми ценностями сопровождался трети́рованием всякой научной

теории. Отторгнутое мировоззрение и научная картина мира требовали замены, на которую можно было бы опереться. Такая замена нашлась в религии, которая была не в фаворе в социалистическом обществе. Консервативное религиозное мировоззрение эпохи средневековья и церковь оказались, как ни странно, в конце XX – начале XXI вв. союзниками либералов, адептов западного образа жизни, основанного на безграничном индивидуализме, эгоизме, потребительстве. Либеральная идеология, превращенная, в новую религию, признает лишь одного, господина, которому надо преклоняться, – мамону. Несмотря на противоположность отстаиваемых ценностей, церковь, прежде всего РПЦ, охотно воспользовалась представленной государством возможностью. Не без поддержки властей идёт активная клерикализация общественной жизни. По каналам государственного телевидения в последнее время часто показываются видеоролики якобы с передовой СВО. Нам показывают, как во время боевых действий танкист (мусульманин), остановив танк, высунулся из смотрового люка механика-водителя, чтобы совершить намаз. Вот другая сцена: пехотинец в траншее в грохоте взрывов, при стрекоте автоматных очередей, видимо, от ужаса втянув голову в плечи, быстро крестится, другой, прежде чем бросить гранату в траншею противника, осеняет себя крестом. Почему эти военнослужащие обращаются к Богу – из-за страха? В подобных ситуациях, где потеря каждой секунды может обернуться потерей жизни, военнослужащий должен стрелять, чтобы ликвидировать противника и остаться живым, а не молиться.

Что рекламирует телевидение, какой смысл несут эти явно постановочные ролики зрителю? Только один: нужно уповать на помощь бога. Подобная неуместная пропаганда религии дискредитирует и армию России, и, если вдуматься, саму церковь. Можно восхищаться мужеством священников разных конфессий, которые присутствуют на передовой и психологически поддерживают военнослужащих, однако опыт русско-японской, первой мировой и Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что побеждают не те, кто во время боя неистово крестятся и молятся, а те, у кого более совершенное оружие и военная техника, у кого налажено бесперебойное обеспечение, существует единство фронта и тыла, кто лучше обучен и, наконец, кто сознательно идёт на подвиги, защищая притягательные социальные идеалы. Достижение счастья на небе через самопожертвование – это цель религиозного фанатика. При таком поведении победа невозможна. Побеждает тот, кто движим патриотическими идеалами, кто сражается ради жизни своих близких, своего народа, государства. Иначе говоря, важным духовным фактором победы, как об

этом писал Секретарь Совета безопасности Российской Федерации С. Шойгу, является идеология страны. Несомненно, восстановление исторической памяти, сохранение и защита национального культурного кода – необходимое условие российской цивилизационной самоидентификации в цивилизационном противостоянии с Западом. Однако общественное сознание России все ещё находится под влиянием неолиберальной идеологии. Особенно это касается молодого поколения. Внедрение в сознание современного населения России консервативных идей, неоправданно часто отождествляемых с религиозными представлениями средневековья, если и даёт какой-то эффект, то ситуативный, но нашему государству нужно стратегическое преимущество в его борьбе с опасным и опытным противником. Более того, назойливое педалирование темы значимости исключительно консервативных ценностей может обернуться стратегическим поражением. В условиях турбулентности в мире нельзя двигаться вперёд, повернув голову назад. Нужен объективный взгляд на существующую в стране и в мире реальность и, самое главное, видение перспективы. Ведь в условиях глубокого глобального кризиса, как отмечалось ранее, ключевым для страны и каждого человека является ответ на вопрос: кто мы? И куда мы идём? В Конституции страны не указывается ни тип общества, ни тип государства, в котором мы живём сегодня. Однако без такой самоидентификации адекватная социально-политическая ориентация в современном мире весьма затруднительна, если вообще возможна. Но самое важное состоит в том, что в Основном Законе нет каких-то данных о векторе исторического движения России. Между тем, согласно динамической теории информации, в условиях бифуркации имеют преимущество в выживании те общества, которые обладают идеологией и цивилизационным проектом, позволяющим заглянуть в будущее [14]. Спасительная функция идеологии объясняется тем, что она включает в себя определённые представления о социальном идеале, то есть о желаемом будущем. Существование в идеологии притягательного достижимого социального идеала организует людей, сплачивает их, мотивируя их на активную деятельность, нацеленную, с одной стороны, на устранение существующих угроз, с другой, – на приближение этого желаемого будущего.

Идеология для государства нужна в настоящее время не только из-за существования внешних угроз, но и для решения сложных внутренних проблем. В упоминавшейся программной статье В.В. Путина, в которой им была выдвинута «российская идея», отмечалось, что «плодотворная работа, в которой нуждается наше Отечество, невозможна в обществе, находящегося в состоянии раскола, внутренней разобщенности, ... где ос-

новые социальные слои и политические силы придерживаются различных базовых ценностей и основополагающих идеологических ориентиров» [10]. С этим трудно не согласиться. Однако с тех пор ситуация в обществе если и изменилась, то в худшую сторону. «Российская идея» даже в период длительного президентства её автора не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Тренд, который был задан реформаторами в 90-х годах с целью формирования нового типа общества и новых социальных индивидов, усиливался. В результате к середине нулевых годов в России по модели западных стран, особенно США, сформировалось потребительское общество, состоящее из рыночно ориентированных индивидов – *homo economicus*. Как и в США, главным, если не единственным, критерием успеха человека в любой деятельности стало количество денег, которое она приносит. Деньги в таком обществе определяют успешность человека и его социальный статус. И это объяснимо, поскольку деньги при капитализме легко конвертируются в политические, правовые, социальные и другие возможности человека. Поэтому в таком обществе человек без денег – никто. Погоня за деньгами и статусное потребление превратились в смысл жизни огромных масс людей. Деньги приобрели статус высшей ценности, сбросив с пьедестала человека. Фактически произошло расчеловечивание социальных индивидов. Это привело к изменению нравственной атмосферы в стране и криминализации общества. Впрочем, эти негативные тенденции дали о себе знать уже в 90-х годах. Отчуждение (а по простому воровство) государственной (народной) собственности, демонстративные убийства среди белого дня ради денег, открытое мздоимство чиновников и работников правоохранительных органов – все эти деяния, совершавшиеся тридцать лет назад, продолжают и в настоящее время, правда, в более «цивилизованных», точнее, изощрённых формах, подрывая устои государства. По авторитетному мнению В. Зорькина, в современных условиях, когда Россия находится в состоянии войны, коррупция и многие другие виды имущественных преступлений – это предательство. Ради денег коррупционер может предать всё и всех [15]. Ежедневные криминальные сводки свидетельствуют о том, что некоторые граждане России в расчете на вознаграждение по указанию спецслужб враждебного государства совершают террористические акты, убивают участников СВО, передают противнику секретную информацию. Нередко совершают такие преступления и подростки школьного возраста. Из-за участвовавших фактов такого рода Государственная Дума недавно снизила возраст наступления уголовной ответственности подростков за совершение подобных преступлений, а также ужесточила наказание взрослым, во-

влекающим молодёжь в противоправную деятельность. Однако сомнительно, что одними институциональными и нормативными изменениями в области права можно блокировать угрозу коррупции и справиться с нарастающим валом преступности [15]. Общество, состоящее в немалой своей части из расчеловеченных индивидов, обречено жить с такими язвами, чтобы от них избавиться, требуется радикальное изменение смысло-жизненных ценностей людей, которые сформировались в результате либеральных реформ.

В своих публичных выступлениях последних лет, как и в «Российской газете», В.В. Путин говорил о значении фактора единства для сохранения государственного суверенитета страны. Интегрирующим фактором, по его мнению, является патриотизм. Но может ли патриотизм сыграть эту роль при таком социально-экономическом расслоении общества, которое есть в России? Для абсолютного большинства населения реализация принципа справедливости остается неосуществимой мечтой. Но дело не только в этом.

В начале настоящей статьи отмечалось, что Россия была и остается сложной в цивилизационном плане страной. Развал Советского Союза обернулся в определённой степени цивилизационным расколом страны. Реформы, проведённые на основе либеральных идей, фактически закрепили это раскол. С началом СВО раскол в стране усилился, и он разделил людей на тех, кто поддерживает внешнюю политику президента, и остальную часть населения, по большей части молодых людей, являющихся продуктом проведённой реформаторами социальной инженерии. Это, как правило, экономически успешные люди, сформировавшиеся на идеях либерализма. Они разделяют западные ценности и являются еврофилами. В противостоянии России с коллективным Западом могут ли эти люди стать патриотами и выступить против Запада? Вопрос риторический. С началом СВО многие из них уехали, оставшиеся затаились и выжидают, чем закончится это смертельное противостояние их Родины с коллективным Западом.

Раскол и разобщённость, существующие в нашем обществе, дают основание некоторым людям, входящим в политическую элиту страны, актуализировать проблему принятия государственной идеологии. Показательна в этом плане статья С.А. Караганова и Н.И. Малютина «Российская идея – мечта 21-го века». Авторы справедливо отмечают, что если у страны нет своего идейного стержня, то пространство её идей и духа освобождается для других [16]. По мысли авторов, Россия как цивилизация цивилизаций должна иметь свой идеологический и духовный стержень разви-

тия. Не желая нарушить запреты Конституции РФ на существование государственной идеологии, они прибегают к такому обозначению российского пути развития как «идея – мечта XXI века». В условиях, когда западный проект глобального либерального империализма зашёл в тупик, они считают, что важнейшей целью национальной политики государства должна стать защита человеческого в человеке. Авторы считают, что сохранение и развитие Человека в человеке будет способствовать приближению справедливого будущего [16, с. 111–112]. Нам импонируют эти мысли. Но какое общество они видят в перспективе в России? Их ответ – народный капитализм. Авторы не объясняют, что это такое. Между тем, о чем-то подобном в первой половине XIX в. писал Ж. Прудон в своей работе «Философия нищеты». Маркс в «Нищете философии» показал иллюзорность мечтаний французского мелкобуржуазного экономиста и философа. Развитие капитализма подтвердило точку зрения и прогнозы Маркса и показало несостоятельность воззрений Прудона. Современные российские авторы свои взгляды на то, что должно заменить государственную идеологию в России, определили как «мечта XXI века». «Мечта» согласно толковым словарям русского языка, означает некую реальность, созданную воображением, фантазией. Вероятно, к этому добавить нечего, характеризуя суть указанного проекта и вспоминая несбывшуюся мечту Ж. Прудона. Существующие в нашем обществе расчеловеченные социальные индивиды есть результат исторического отчуждения между родовой и индивидуальной сущностью человека. В условиях глобального неолиберального капитализма это отчуждение рельефно проявляется во всех сферах общественной жизни: производственной, политико-правовой, духовной. Значит, политика государства должна быть ориентирована на постепенное преодоление этого отчуждения. Это и будет означать сохранение и развитие Человеческого в человеке. Но как этого достичь? Для этого нужно определить вектор исторического движения России, направленного к высшей цели – построению справедливого общества, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [17]. Постепенная реализация этого принципа позволила бы не только преодолеть исторически возникшее отчуждение между индивидуальной и родовой человеческой сущностью, но и построить уникальное целостное евразийское государство.

Список литературы:

1. *Пастухов В.Ю.* Государство раскольников. Карма российской власти // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 114.
2. *Шойгу С.К.* Это наша Победа // *Российская газета*. 2025. 6 мая.
3. *Конституция Российской Федерации* с комментариями Конституционного суда: редакция 2021 года. – М.: Эксмо, 2021. – 128 с. – С. 10.
4. *Авакян С.А.* Конституция и Парламент: размышления по поводу юбилея // *Российская Федерация сегодня*. 2008. № 23. С. 2–10.
5. *Авакян С.А.* Конституционализм и бюрократия публичной власти // *Вестник Московского университета*. Серия 11. Право. 2014. № 1. С. 60–66.
6. *Авакян С.А.* О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // *Вестник Московского университета*. Серия 11. Право. 2023. № 1. С. 3–21.
7. *Акулов Вл.* Что такое идеология и нужна ли она России? [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@patria_public-13
8. *Ершов Ю.Г.* Идеологический миф в обществе сорванной вестернизации // *Koinon*. 2022. Т. 3. № 2. С. 9–25.
9. *Мусаелян Л.А.* К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2022. № 55. С. 6–21.
10. *Путин В.В.* Россия на рубеже тысячелетия / *Политика* // *Независимая газета*. Интернет-версия. 1999. 30 декабря.
11. *Медведев Дм.* 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // *Закон*. 2018. С. 8–16.
12. *Зорькин В.* Буква и дух Конституции // *Российская газета*. 2018. 10 октября.
13. *Зорькин В.* Право России: альтернативы и риски в условиях глобального кризиса // *Российская газета*. 2022. 30 июня.
14. *Чернавский Д.С.* Синергетика и информация. Динамическая теория информации. – М.: Ленанд, 2021. – 304 с.
15. *Зорькин В.* Коррупция – угроза цивилизации // *Российская газета*. 2025. 21 мая.
16. *Караганов С.А., Малютин П.Н.* Российская идея – мечта XXI века // *Политические исследования*. 2025. № 4. С. 107–109.
17. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955. – С. 419–459.

THE CIVILIZATIONAL PECULIARITIES OF RUSSIA, THE RUSSIAN IDEA, AND STATE IDEOLOGY

Leva A. Musaelyan

Perm State University

15, Bukireva St., Perm, 614068

The double-headed eagle on the Russian state emblem accurately symbolizes the civilizational complexity of Russia and its distinctiveness from both its Western and Eastern neighbors, whose influences the country has experienced over many centuries. For a state situated at the crossroads of civilizations – and constantly exposed to threats from the North, South, West, and East – safeguarding sovereignty has been vitally important. This could only be achieved through

strong authority and a unified state. These political ideals are symbolized on the Russian coat of arms by the three crowns, the scepter, and the orb. It is evident that upholding these political values remains relevant for the Russian state today. The geographical specificity of Russia has given rise to a uniquely Russian phenomenon in the country's socio-political thought: the Russian idea. Its proponents have sought to articulate the country's developmental prospects. This article examines the "Russian idea" proposed by Vladimir V. Putin on December 30, 1999, in *Nezavisimaya Gazeta* (Independent Newspaper). Putin presented it as a concept intended to fulfill the functions of a state ideology, although he considered the formal adoption of an official ideology inadvisable. The article demonstrates why the "Russian idea" advanced by the then-future president did not achieve the expected impact, and explains the rationale behind the inclusion of Article 13, Paragraph 2, in the country's Constitution. The article argues that, given the emerging external and internal threats, adopting a state ideology – one that provides a vision of historical perspective and strengthens the unity and power of the state – has become a necessity.

Keywords: civilization, Russian idea, Constitution, ideology, crisis, reforms, disunity.